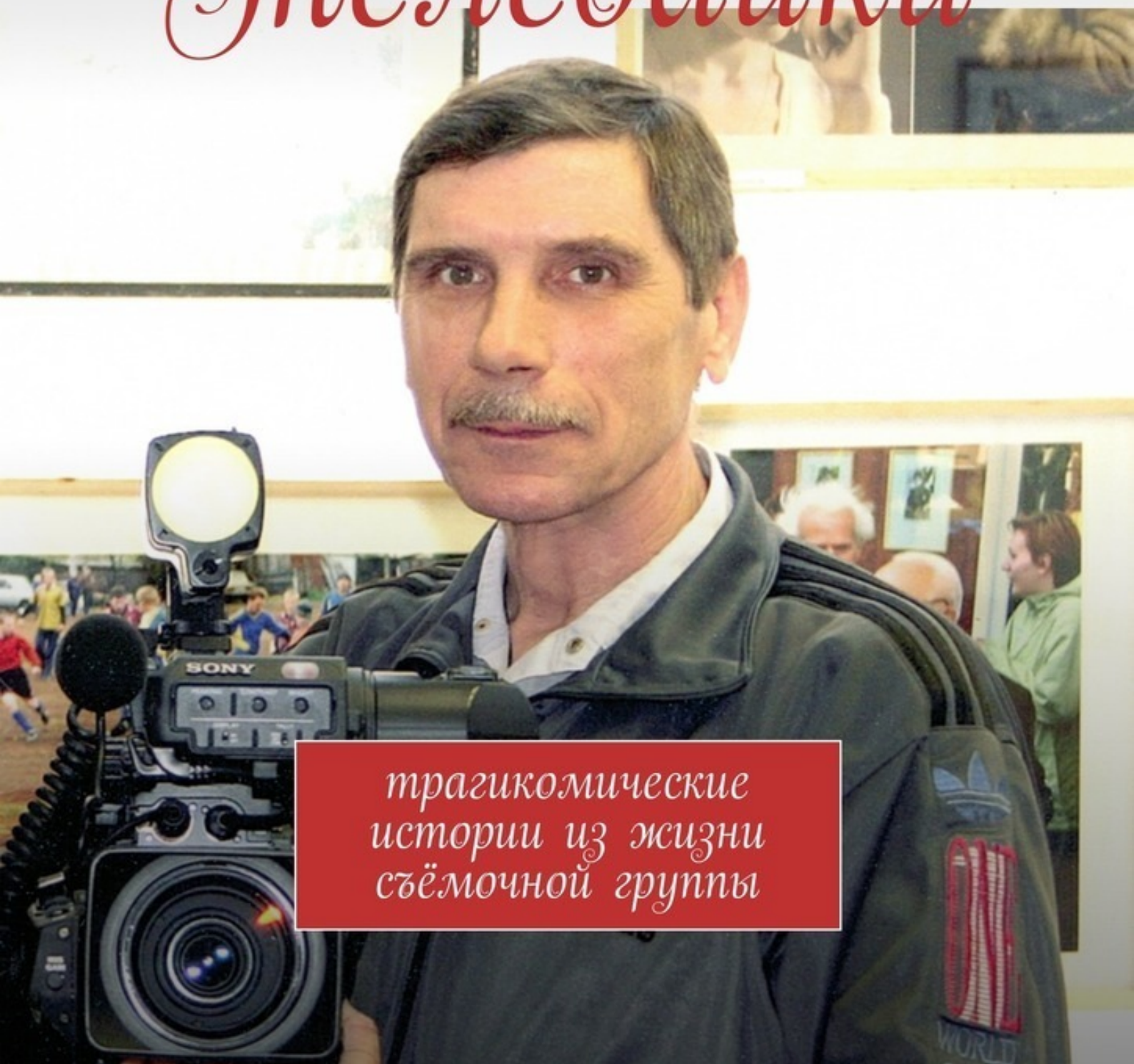

Владимир Кириллов

Телебайки

*трагикомические
истории из жизни
съёмочной группы*

Владимир Кириллов

**Телебайки. Трагикомические
истории из жизни
съёмочной группы**

«Издательские решения»

Кириллов В.

Телебайки. Трагикомические истории из жизни съёмочной группы / В. Кириллов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902491-6

В данной книге представлены занимательные рассказы из жизни телевизионщиков, написанные на основе реальных событий. В книге так же представлены две повести: «Исповедь сиамского близнеца» и «Жизнь вечная».

ISBN 978-5-44-902491-6

© Кириллов В.
© Издательские решения

Содержание

НИЧЬЯ	6
ЗУБ	10
ПОЭТ	14
РОЖДЕСТВО	22
ПИСЬМО ИЗ АДА	35
ИСПЫТАНИЕ НЕВЕСТЫ	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Телебайки Трагикомические истории из жизни съёмочной группы

Владимир Кириллов

© Владимир Кириллов, 2018

ISBN 978-5-4490-2491-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НИЧЬЯ

«Нива» со съёмочной группой притормозила у ближайшей закуской. Спецкора Андрея долго упрасивать не пришлось. Он тоже имел садовую голову на плечах. И голова эта болела.

– Ладно, Петя, уговорил! Пусть будет по-твоему, – проворчал он. – Но не более ста грамм! У нас впереди ответственная съёмка. А то ты опять навалиешь, как вчера...

Что было вчера, телеоператор Петя помнил смазано, как бы в расфокусе. Вчера, поздно вечером, они вернулись из командировки, из села Верхний Макон. Там проходил ежегодный праздник Урожая. Его апофеозом явился банкет, где друзья изрядно поднабрались. А до этого было долгое и нудное заседание правления колхоза. Снимать «сидячки» и «говорящие головы» Петя не любил. Изнывая от однообразной фактуры, он принялся крупным планом отпечатлять туфли членов президиума, а потом переключился на их носы. Носы были на любой вкус: курносые, крючковатые, картошкой, с горбинкой, а один, ну, в точности – свиной пяточок. Это-то и припомнил ему спецкор.

Петя был человеком совестливым, а потому рефлектирующим. Впрочем, самоедство его покрывалось бесшабашностью нрава, – примерно так, как бейсболка покрывала его рыжий кокон.

Он был человеком полета. Коллеги называли его «властелином мгновения». Часто, наведя объектив на занимавший его объект, Петя приговаривал: «Остановись мгновенье, ты ужасно!». При этом профиль его лица обретал вид отточенной алебарды. Горящие глаза обращались в узкие щелки, рельефные губы смыкались в прямую линию, и даже, его тонкий нос, казалось, становился острее. Тут Петя выкладывался по полной.

Петя консервировал время.

В утробе забегайки, куда они ввалились, разило воблой и перегорелым спиртом. Друзья взяли по сто граммов водки и по дольке лимона. Присели за столик.

– Что, Петя, налопопам? – предложил Андрей.

– Да что тут половинить! Разве это доза? Пей сам свой лопопам! – огрызнулся оператор и махом опрокинул стакан в недра своего ошарашенного «я».

– Петя, мы не упиваться пришли, а поправить здоровье!

– Да, Андрюша, тут ты прав! Водка исцеляет любую болезнь. Можно сказать все заболевания лечит. – Он пососал лимонную дольку и добавил: «Окромя алкоголизма».

Спецкор хмыкнул и отпил половину содержимого. Его душа, «перееханный трамваем», мало-помалу расправляла поломанные крылья. В этой фразе, некогда изреченной им же самим (в порядке самоидентификации), слово «трамвай» обозначало судьбу. Или рок.

Андрей был сухощаво-высок, но в речи и телодвижениях нетороплив. Как и Петру ему было тридцать с хвостиком, впрочем, мичуринская борода клинышком, делала его более представительным.

Участвуя в попойках, Андрей строго придерживался своего фирменного стиля поведения. Как только перева́ливало за двести пятьдесят – сразу включал «песняка», независимо от места и ситуации. Это было его фишкой. Зычный голос, подобно сирене, парализовывал окружающее пространство, вызывая оторопь у окружающих. Предпочитал казачий фольклор. Часто, щуря глаза, искательно смотрел вдаль, как бы прислушиваясь к отдаленным аплодисментам.

– Ты, Петя не алкаш, – сказал он, поглаживая бородку. – А, всего лишь, жалкий любитель. И пустобрех.

Оператор обернулся на стойку и посмотрел на барменшу. Затем впери́лся взглядом в пустой стакан.

– Андрей, а ты знаешь, почему в народе говорят: «Между первой и второй промежуток небольшой»?

– Почему же?

– Объясняю. Вот ты сейчас выпил и стал другим человеком. Заметил? А этот другой – *тоже* хочет выпить! Для этого другого ты оставил пятьдесят грамм. Получается, ты с ним пьешь налопопам. Мой же, другой человек, как видишь, остался с носом! А я не хочу его обижать! Понимаешь? Ближних надо любить!

– Нет уж, Петя! Пусть этот твой «другой человек» подождет до окончания съемок!

Андрей допил свой стакан и направился к выходу. Оператор меланхолично поплелся за ним.

– Съемка, съемка, – ворчал он. – Какая может быть съемка в полубморочном состоянии?

– Петя, тема закрыта! Не канючь!

– Это ты замолчи, чревоушатель хренов! – огрызнулся Петя. – Ну, кто ты без меня? Кто? Да без меня ты просто радио! Ра-ди-о!!!

У машины их встретил водитель Вадим – «добродушный трактор», как окрестил его Андрей. Он курил трубку.

– Ну что, бандерлоги, полегчало? – баском хохотнул он. – Эх, жизнь наша поломатая!

Вадим тоже не был обласкан судьбой. Бывший спецназовец, прошедший, по его выражению, «пот и кровь», повидавший смерть. Но добродушия при этом не утративший.

Петя вымучено улыбнулся. Ему было не до шуток. «Верхний Макон, Верхний Макон, – бормотал он, протискиваясь на заднее сидение. – Интересно, а как отмечают этот день в Нижнем Маконе? – Хотя... наверное, лучше об этом не знать!».

Он вспомнил приезд в село, как они устраивались в гостиницу. И как разыграл его Андрей. Да-а, это был не самый вдохновенный момент в жизни Петра.

В гостиницу, а, вернее, в Дом приезжих, как ее именовали в селе, Петя влетел при переполненном мочевом пузыре. Он второпях сунул свой паспорт Андрею.

– Андрюха, оформи номер. Мне нужно кой-куда забежать!

Петя метнулся по коридору, в надежде найти заветную комнату с literой «М». Не обнаружив сего удобства (оно находилось во дворе), он заскочил в умывальню, открыл кран, и, оглядевшись, пристроился к раковине. Едва он приступил к процессу, как за спиной раздался гнуснейший женский голосок: «Ну, как вы устроились, дорогие гости?»

Петя похолодел и судорожно втянул живот. По ноге, пропитывая штанину, побежала горячая струйка. Он испуганно оглянулся и узрел, расплывшегося в улыбке Андрея. Тем же профурсетским голоском тот пронудел: «5:4, Петруша! 5:4! В мою пользу!»

«Нива» дернулась и остановилась, оборвав угорелые Петины воспоминания.

– Прибыли на точку, – объявил Вадим. – Выметайтесь! Я тоже схожу на выставку. Хочу немного окультуриться! Только меня не снимайте.

В выставочном зале народу было немного. Десятка полтора посетителей, не считая авторов полотен. Впрочем, народ постепенно подтягивался. Настало время открывать выставку. Перед собравшимися выступил председатель правления Союза художников города. Он долго и нудно разглагольствовал об особой роли «безобразительного» искусства в России. Помянул Кандинского. Посетители позевывали, переминались с ноги на ногу. Выставка их не впечатляла.

Пока оператор снимал картины и зрителей, – спецкор разыскивал известного в городе искусствоведа Добромилова. Взяли у него интервью. Петя, меняя ракурсы, продолжал снимать картины.

– Что за мазня?! – ворчал он себе под нос. – Бессмысленная мазня! Дичь какая-то...

К нему подошел Вадим. В глазах его прыгали смешливые зайчики.

– А как тебе вот *эта* картина? – спросил он, указывая на потолок.

Петя посмотрел вверх и увидел в углу на потолке дождевые потёки. Накануне прошел дождь, и крыша в павильоне дала течь.

– Да... эта «картина» не хуже других. Не хуже и не лучше.

Он задрал камеру вверх и средним планом отпечатлел живописные разводы.

Вернувшись на студию, спецкор вместе с оператором просмотрели материал. Андрей приступил к раскадровке.

– Петя, а это что за картина? – спросил он, указывая на последний кадр. – Что-то я не припомню эту работу.

– Да разве все упомнишь! – усмехнулся оператор. – В этих абстракциях немудрено заблудиться. По мнению Добромиллова, это одна из лучших работ на выставке. Называется «Дождливая рапсодия».

– А кто автор? Ты не запомнил?

– Почему же не запомнил... Запомнил! Автор твой однофамилец Маркин. Потому и запомнил. С тебя магарыч, Андрюха!

На этом друзья расстались. Спецкор отправился писать текст, а Петр, в приподнятом настроении поехал домой.

Вечером, в квартире оператора раздался телефонный звонок. Звонил спецкор. Он был вне рассудка.

– Выхухоль ты рыжий! – вопил Андрей. – Выкидыш засохший! – Откуда ты взял эту «Дождливую рапсодию»?! Мне звонил Добромиллов. Он посмотрел в новостях наш сюжет и утверждает, что такая работа на вернисаже не выставлялась! Ещё сказал, что никакого Маркина он не знает... кроме меня! Ты мне объяснишь, наконец, что все это значит?

– Успокойся, Андрюша. Это означает, что счет стал 5:5. У нас с тобой – ничья!

ЗУБ

– Идея, сама по себе неплохая, но уж больно рекламой отдаёт, – проронил Андрей, нарушив тишину в салоне.

«Нива», нервно повизгивая тормозами, выезжала за город на обледенелую трассу. Лобовое стекло нещадно секла ледяная крупа, вызывая внутренний озноб. Водитель и телеоператор молчали. Они привыкли, что спецкор время от времени вслух озвучивает занимавшие его мысли. И не нуждается в ответной реакции.

– Что за идея? – не выдержал Петя. – Я к тому – в каком ракурсе мне снимать этот детский дом? Как ты это подавать собираешься?

– Главреж предлагает сделать упор на двух конкретных сиротках: мальчике и девочке. Каждый из них расскажет о себе. Как они мечтают жить в семье, иметь маму и папу. Они будут читать стихи. Мальчик в конце синхрона споет песенку, а девочка станцует. Снимай побольше крупняков, особенно глаза. Много детских глаз. Ну, и массовку, как обычно.

– А сама-то идея в чём состоит? – переспросил Вадим – наш водитель.

– Евгенич попросил воспитателей детдома выбрать двух самых красивых и умных деток. Они с экрана покажут всем свои способности. И будут ждать своих будущих пап и мам. Из числа телезрителей.

– Вот, тварь! – обозлился Петя. – Рекламщик хренов! Мы, что, должны выставять детей напоказ, как залежалый товар?.. На предмет их приобретения? И ты на это повёлся?

– Да нет, Петруччо! Ты не понял. Обычно ведь как бывает... Приходит в детдом молодая пара, приглядываются к деткам и выбирают понравившегося им ребенка. И ребенок безропотно принимает этот выбор. Сам он права выбора лишен. Наша задача – предоставить ему такую возможность! Возможность *самостоятельного* выбора. Он сам будет выбирать себе папу и маму из числа приглашенных. Теперь догнал?

– Погоди, погоди, – взъерошил Петя свой рыжий кокон. – Это что ж получается... Мы, значит, выдаем в эфир сюжет, потом в детдом приезжают телезрители, готовые принять данного ребенка в свою семью. И ребенок выбирает, например, из десяти семей ту семью, которая ему понравилась? Которая этому ребенку интуитивно ближе? Я так понял?

– Да. В этом и состоит замысел режиссера. Он его называет «гениальным». Через месяц-два, когда наберется достаточное количество желающих, мы снова будем снимать. Но уже двумя операторами. В одном помещении выбирать будет мальчик, а в другом – девочка. Все это будет в игровой форме, в процессе общения.

Впереди показался детский дом. Низенькое, обветренное здание в два этажа, запорошенное снегом. Затерянное в безлюдном лесу, среди метельной, ярящей стужи, оно, казалось, само было брошено на произвол судьбы.

Водитель припарковал «Ниву» у центрального входа.

– Все, мужики, прибыли на точку. Выметайтесь! Я буду ждать вас в машине.

– Да брось ты, Вадим, пошли с нами! Что тебе тут сидеть одному, среди пурги. Отсним материал, потом нам поляну накроют. Пойдем-пойдем! – настаивал Андрей.

Вадим молча потянулся к бардачку и достал увесистый пакет. Лицо его слегка побагровело, на шее проступила белёсая полоска шрама – память о Хасавюрте.

– Вот, возьмите конфеты, угостите детей...

Андрей пожал плечами.

– Ну, как знаешь! Но на обед мы тебя все же вытащим...

Он обратился к Пете:

– Я тут тоже прихватил гостинцы для детей; еще кой-какие детские вещицы – жена велела передать... Бери камеру и штатив, а я прихвачу подарки.

На вахте их встретила бабуля, с наивной детскостью во взгляде.

– Доброго здоровья! Ждем... Давно вас ждем. Вам по коридору направо, кабинет заведующей в конце... Да вот, Вася проводит. Вахтерша окликнула проходящего мимо малыша:

– Вася, проводи наших дорогих гостей к Ольге Петровне!

Подойдя, Вася быстро оглядел всю амуницию съёмочной группы, включая камеру и штатив. И протянул руку к пакетам с подарками.

– Давайте я вам помогу! Вон как много всего! А мне вчера пять лет исполнилось... Я уже большой!

Андрей с улыбкой протянул ему самый легкий пакет.

– Ну, раз большой – неси!

Они двинулись по коридору.

– А я знаю! Вы приехали Гришу и Катю по телевизору показывать.

Петя хмыкнул:

– Да всех вас покажем. Всех! И тебя тоже...

Вася остановился.

– Ольга Петровна сказала, что показывать будут только Гришу и Катю. Она их выбрала в телевизор. А меня не выбрали (он вздохнул). У меня зуб выпал! Вот и не выбрали...

Вася задрал голову и показал передние зубы. Одного не хватало.

– Это ты сам так решил? – спросил Петя.

– Сам! А скоро у меня зуб вырастет?

Журналист и оператор переглянулись.

– О! Чуть не забыл, – воскликнул Петя. – У нас тут для тебя подарок есть! Андрей, достань джинсы; они в синем пакете. По-моему, ему подойдут.

– Нам не разрешают брать подарки у гостей. Нам их потом воспитатели раздают. У кого не хватает. А у меня одежды хватает!

– Ну, возьми конфеты, хотя бы... Заодно друзей угостишь.

Андрей достал пакет, что передал Вадим и протянул малышу. Тот прижал его к груди и вприпрыжку побежал в зал.

Своих «дорогих гостей» Ольга Петровна встретила широченной улыбкой, тождественной распростертым объятиям. За кофе обговорили детали предстоящей съемки, внесли коррективы.

– У нас тут из Района будут два представителя, – важно отметила директриса. – Вы их снимите! Они хотят несколько слов сказать на камеру.

– Нет, нет! Чиновников мы снимать не будем, – категорично заявил Андрей. – Только детей и воспитателей. И небольшой синхрон с Вами.

Директриса сменила тему.

– Ой, знаете, что у нас девочки отчебучили! – зашебетала она. – Мы Катеньку готовили к выступлению, разучивали с ней стишок, обращение к будущей маме репетировали... А потом решили ей челочку сделать. Четырехлетняя малышка с челкой – это так мило! Так вот, две ее подружки, Света и Нина, тайком взяли ножницы и тоже себе челки обрезают. Они, глупенькие, решили, что их тоже удочерят.

Ольга Петровна рассмеялась.

– Давайте писать интервью, – предложил Петя.

Он внезапно ощутил полынную горечь в горле, подступающую из сердца. И вспомнил о Вадиме: «Сидит себе в машине, музыку слушает... И в ус не дует!»

Покончив с синхронном, съёмочная группа, сопровождаемая директором, переместилась в зал, где их уже ждали дети. Петя нервничал. Ему хотелось побыстрее закончить съемку – сократить боль в душе. Он стремительно перемещался по залу, менял точки, выбирал наиболее выигрышные ракурсы. Не щадя себя, крупным планом снимал сиротливые глаза: карие, дымчато-серые, голубые... Эти беспощадно-голодные глаза, жаждущие любви.

Потом было обращение-мольба Кати и Гриши к будущим родителям. И незамысловатый трогательный концерт «на закуску».

После окончания съемки подошел Андрей.

– Петь, приглашают на обед. Как-то неудобно уйти.

– Поехали лучше на канал! Там и пообедаем...

– Ну, как скажешь! Собирайся. Я пойду на улицу, подышу. Кажись, распогодилось. Оператора обступили дети. Они хватались за ножки штатива, пытались заглянуть в камеру. Петя поднимал их, невесомых воробушков, одного за другим, и давал посмотреть в видоискатель.

– Ну что, все посмотрели?

Воспитатели стали выводить детей из зала. Рядом оставался один малыш.

– А-а, это ты, Вася! Тоже хочешь посмотреть?

– Нет, не хочу. Я хочу... я, вот тебе... подарок принес...

Вася протянул руку и раскрыл ладонь. На ладони лежал молочный зуб.

– Спасибо, Вася! Это очень ценный для меня подарок! Спасибо...

Помедлив, оператор расстегнул карман, что ближе к сердцу, и достал серебряный образок.

– А это тебе от меня.

Малыш взял в руку иконку.

– Это кто? – задохнулся он. – Это моя мама?

Глазки его засияли.

– Это Божья мама. И твоя тоже! Ты будешь с Ней разговаривать, и Она будет тебя утешать. А еще Она будет исполнять твои добрые желания...

Прощай, Вася!

Съемочная группа возвращалась на канал. Спецкор безучастно и вздыхательно смотрел на мелькающие мимо деревья, время от времени записывая что-то в планшет. На заднем сиденье, запрокинув голову, сидел оператор, смежив ресницы. Но он не спал. Он думал о Васе. В его глазах неотступно стоял, обживая душу, голубоглазый мальчик, пяти лет отроду, ребенок, подаривший ему частичку себя. И эта частичка теперь лежала у Пети в кармане близко к сердцу.

А в то же время, в сиротском доме, грустил одинокий мальчик с серебряным образком в руке. Он стоял, прижавшись лобиком к холодному стеклу, и смотрел вдаль на зимнее солнце. Он искренне верил, что где-то там, в сияющих лучах, находится его счастье.

ПОЭТ

По дороге на студию Вадим за баранкой был угрюм, на шутки товарищей не реагировал. Съёмочная группа возвращалась с очередного редакционного задания – снимали сюжет на сахарном заводе.

– Что приуныл, джигит? Хочешь сказать, что жизнь не сахарная... Лучше вспомни, что у нас в багажнике лежит! – не отставал телеоператор. (В багажнике лежал мешок сахара – презент директора завода).

– Мотор что-то греется. А до канала еще километров тридцать, – вздохнул Вадим.

Он остановил машину и полез под капот. Вернулся мрачный.

– Ёк-макарёк! Весь тосол вытек! Надо бы воды залить...

– Тут вот небольшой хуторок будет по правой стороне. Давай заедем, напоим твоего коня, – предложил спецкор.

Вдали показались приземистые домишки у небольшого озера, поросшего камышом. «Нива» съехала на грунтовую дорогу, раскисшую от прошедшего накануне дождя. Из-под колес полетели наперегонки комья размякшего чернозема.

– Ничего! – успокоил всех Вадим. – Я второй мост подключил. Прорвемся!

Остановились на зеленой лужайке у озера; вышли поразмяться. На бережку стоял сухощавый старик в плащ-палатке, рядом – собака. Она неторопливо подошла к Вадиму, обнюхала его кругом, затем и остальных.

– Эк тебя разбрюхатило! – развел руками спецкор. – Да ты, мать, на сносях!

Следом подоспел хозяин. Он был в легком подпитии; щура глаза, сканировал логотип на дверце, потом оглядел незнакомцев.

– Хек-хек, – прокашлял старик. – Телевидение к нам пожаловало! Хек-хек. Что стряслось-то?

Андрей улыбнулся:

– Интервью у тебя будем брать, дед! Расскажешь про жизнь свою. Как зовут-то?

– Хек-хек-хек... Харлампием кличут. Хек-хек...

– А собаку как зовут?

– Жулькой зовут.

– Как фамилия?

– У Жульки?

– У Жульки, у Жульки! Вспоминай! Что стал в пень? Давай докашливай что-ли!

– Хек-хек...

Харламий растерялся; глаза его заволокло, будто он думал на китайском языке.

– Дык какая фамилия? Хек-хек. Что-то я не домекаю. С одноразки не понять.

Линялый его взор вдруг просветлел. Проклюнулась мысль:

– Дык Кусочникова её фамилия! Ведь я Кусочников, значит, и она Кусочникова.

– А отца её как звали?

– Хек-хек... дык от Полкана она. Был у соседа Полкан, он с ейной матерью дружил.

– Получается: Жулия Полкановна Кусочникова. Теперь все ясно! – подытожил Андрей.

Водитеть и оператор больше не могли сдерживать смех. У Вадима даже слеза просеклась:

– Ну, уморил! Уморил дед!

– Ладно, хватит вам над дедом смеяться! У него свой строй в голове, – подмигнул Харлампию оператор. – Как поживаешь, любезнейший?

– Дык как поживаю... хек-хек, – тяжело плавать в серной кислоте! Доволакиваю старость! Дохилел вот до семидесяти пяти... Измерцался яхонт! С бабкой живу тут... безвылазно... Да какая с ней жизнь! Одни свары да стравы. Крякнула моя молодость! Давно уж крякнула!

Старик вздохнул и достал из-под полы початую бутылку самогона.

– Нету ли у вас гулячей кружки? Хек-хек... Чкнём винца?

Друзья переглянулись.

– Винцо у тебя какое-то мутное, – передернул плечами Вадим. – Самогон с брагой вперемежку.

Харламий неторопливо вытащил из бутылки газетную затычку, смачно отхлебнул и посмотрел через бутылку на свет.

– Свекольный! Хек-хек... У нас дешевизнь! Нет лучше от лечения. Ну, не хотите – как хотите. Добил вот последний грош! А до пенсии еще...

Он замолчал, беззвучно шевеля сухими губами. Стал загибать пальцы. Дойдя до безымянного, вздохнул:

– Девять дней ещё до пенсии!

Внезапно лицо его просияло догадкой.

– Робята! Хек, -хек... Покажите в телевизоре моего соседа. Меня не надоть! Я ноль без палочки. А сосед – тот да! Сосед у меня сличность знаменитая!

– Чем же он так знаменит, сосед твой? – усмехнулся оператор. – Тем, что самогонку свекольную гонит?

– Да не самогонку он гонит, а стихи! Хек-хек... Пит у него кличка.

– Печатается где-нибудь... пиит ваш? – заинтересовался спецкор.

– Раньше печатали в районном брехунке, а теперича перестали печатать. Хужей стал писать. А раньше были знатные стихи! Хек-хек... Знатные!

– Этих рифмоплетов у нас пруд пруди! – съязвил оператор.

– Харламбий, а ты помнишь какое-нибудь его стихотворение? – подключился водитель. – Можешь на память прочесть?

– Не смешите мои тапочки! – рассмеялся спецкор. – Вадим у нас тоже из этого сословия. Из племени графоманов!

– Дык чего ж вам прочитать? Хек-хек... Он про любовь хорошо писал. Про молодость свою. Сейчас-то в одиноках живет, на пенсии. Хек-хек... Я всего стиха не упомяну... Один кусочек только.

Старик снова отхлебнул из бутылки, – глаза его повлажнели.

– Ну, так слушайте!

*Мне не вернуть твоих ясных очей
В эту осеннюю стужу!
Горстку тех дней и ночей —*

Белых и черных жемчужин.

– Хек-хек... ну как вам стих? Пондравился? Чего сникли-то?

Повисло молчание. В глазах у наострившей уши Жульки отобразилось неподдельное изумление.

– Вот что! – вышел из оцепенения Андрей. Ноздри его хищно расширились, как у легавой, внезапно напавшей на след зайца. – Петя, бери камеру, будем снимать сюжет. А Вадим пока машиной займется.

– Еще чего! – обиделся водитель. – Я тоже хочу познакомиться с местным гением. Залить радиатор – минутное дело!

– Ладно, пошли с нами. Харламий, проводишь нас?

– Чего ж не проводить-то! Тут рядышком. Дорогу только перейти... грязюку эту... по камушкам. Хек-хек... Такая пакостная ныне осенница!

Перейдя дорогу, друзья завернули в небольшой переулок и остановились перед высокими железными воротами, сплошь исписанными мелом. А неподалёку – несколько мешков со стеклотарой.

– Хек-хек... Вот тут Пит и живет... в прохолость. Сидит дома один, оклепавшись затворами.

– Ничего себе! Это он что? Стихи на воротах написал? – изумился Петя. – Офигеть!

– Дык я ж вам говорил! Не печатают его ныне в брехунке! Хек-хек... Вот он на воротах и пишет. Каждый день – новый стих. Сегодня на меня написал. Видите вверху надписано: «Соседу Хеку»?

– А тебя что? Хеком величают? – спросил Вадим. – Хек это вроде рыба такая есть.

– Рыба тут ни при чем! Хеком меня в деревне прозвали за кашель мой. Хек-хек... дык я не обижаюсь.

– Нет, ну это ж надо! Надо же такое придумать... на воротах стихи публиковать! – поднял вверх большой палец Андрей. – И давно он это практикует?

– Да лет пять как начал дивить народ. Хек-хек... мы уж попривыкли. С утра собираемся, читаем. А в первый раз как увидели – у нас с пересмеху животы подвело!

– А что за мешки с бутылками? – поинтересовался оператор. Он что... пьющий... ваш пиит? Неужто можно столько выпить?

Харламий рассмеялся...

– Дык это ж *мы* ему бутылки собираем. Всей деревней! Хек-хек... Чтоб книжку напечатали.

Старик снова достал бутылку и вмиг опустошил ее. Затем отнес в общую кучу и торжественно погрузил в мешок. Оператор довольно крякнул: он успел отснять сие действие. Спецкор тем временем изучал «письмена» на воротах.

– Да-а... Нестандартно... Зело нестандартно... Ритм не соблюдается, рифма непредсказуема, появляется в неожиданных местах. Вид какого-то скоморошества. Но не рифмоплетство. Какая-то новая форма... Это публике должно понравиться, – бурчал он себе под нос.

А написано было следующее:

СОСЕДУ ХЕКУ

*Разбирать шалопутную твою жизнь —
не моё собачье дело!
Нас сводит в могилу алкоголизм,
судьбы круша.
Ладно, если б только тело —
всё равно пойдёт червям на потребу.
Но душу охмуренную не примет Небо.
Зачем Богу безумная душа?!
В топку чрева подбрасывая «поленья»,
снимаемый страстью пылкой,
ты повышаешь градус закабаления
каждой последующей бутылкой.
Надо волю поиметь — дать костру перегореть!
Пора тебе изменить отношение
к зловередному зелёному змию.
Алкоголь не удовольствие и утешение,
а охмурение и разрушение.
Долой химическую эйфорию!*

Закончив чтение, Андрей быстро огляделся и дал указания оператору:

– Сними этот дом, с привязкой к местности; несколько планов села; отдельно ворота; крупным планом – стихи. И Харлампия у ворот... Ну, да что я тебя учу – сам знаешь!

Завершив наружную съёмку, съёмочная группа, ведомая захмелевшим Харлампием, последовала в дом поэта. С опаской ступив на прогнившее крыльцо, остановились у входной двери, обитой ржавым дерматином. Харлампий постучал в окно.

– Заходите, открыто! – послышался решительный баритон.

Мужчина, встретивший их, никак не соответствовал своему внушительному голосу. Был он хлипкого телосложения, к тому же плешив. Но эти лучистые глаза! Про них можно было написать отдельную повесть.

– Иван Петрович, – представился он. – С кем имею честь?

– Андрей, журналист, – протянул руку Андрей.

– Петр, оператор.

– Вадим, водитель.

– Мы бы хотели, Иван Петрович, снять про вас сюжет, – Вы человек искусства, безусловно, талантливый, ... Думаю, людям будет интересно познакомиться с вашим творчеством... вашим взглядом на... – смешался в речи Андрей.

– Искусство, творения, талант, – усмехнулся поэт. – Как мне все это настохорошело! Не люблю высокопарных слов. Вообще, искусство – это большая редкость, должен вам заметить! А я всего лишь сочинитель. Отчасти – сумашедший... Да-да... у меня *бывают* припадки... чего скрывать! Кто-то называет это вдохновением... – Он, как саблей, махнул рукой. – Но не пытайтесь меня унасекомить. У вас этот номер не пройдет!

Иван Петрович нервно прошелся по комнате, ероша седые виски. Подумав, сел за стол.

– Впрочем, я готов! – решительно заявил он. – Зачем заставлять себя упрашивать! К чему это слащавое бабское кокетство?! – Такой антураж вас устроит? – он указал на стол, заваленный рукописями и множеством исписанных листов.

– Вполне! – мгновенно собрался Андрей. – Петя, включай камеру! Хотя погоду! Чашку с алычой убери из кадра.

– А мне можно к Питу присоседиться? Хек-хек-хек... рядом посидеть?

– Мы тебя уже сняли, Харлампыч! – огрызнулся оператор. – Хочешь к чужой славе примазаться?

Интервью было занятым. Иван Петрович рассказал, что многие годы проработал ветеринаром, пока не развалился колхоз. Сейчас он на пенсии; все свободное время отдает сочинительству – написанию стихов. На вопрос о том, почему он пишет в такой необычной манере, поэт ответил, что традиционная форма ему давно наскучила.

– Поэтическая мысль не должно быть скована рамками условности, – страстно убеждал поэт. – Поэзия – это мысль в электрическом поле чувства. И эта мысль должна сама рождать форму – ритмику и рифму, максимально действенную в каждом конкретном случае.

– Обычно, ведь что происходит? – продолжал он. – Поэт берет свою мысль и втискивает ее, например, в клетку четверостишия. А мысли подчас бывает тесно в этой клетке, и потому она становится скомканной; либо эта клетка для нее велика – отсюда и лишние слова. Я придумал новую форму и назвал ее смысловой строфикой. Суть ее в том, что мысль сама формирует строфу, отливается в неповторимую форму. Отсюда и ритмика неповторимая. Образно говоря, сочинитель не по шпалам шагает, а как бы идет по лесной тропинке. И рифма у него не чередуется механически, через равные промежутки, как принято, а появляется только там, где она необходима: для усиления поэтической мысли. Все эти средства имеют только *одну* цель: максимальное воздействие на слушателя. Но редактор районной газеты этого не понимает! Оттого и перестали мои стихи публиковать.

На этом интервью закончилось. Оператор попросил поэта выйти на улицу: написать стихи на воротах. После съемки все вернулись в дом.

– Петя, сними рукопись в руках Ивана Петровича, с переводом на лицо, – попросил напоследок Андрей. – На дальнем фокусе.

– «На дальнем фокусе», – хохотнул поэт. – Ну, никак не можете вы обойтись без ваших фокусов!

– Ваше желание исполнено, шеф! – откликнулся оператор. – Уже отснял!

– Вот и ладошки, – открыл шкаф поэт. – Теперь можно и чайку попить (он достал заварку). – Остался ли у меня сахар...

– Я чай не буду, – заявил Петя. – Я, с вашего позволения, алычи поем.

И поставил себе на колени миску с алычой.

– Вы мне вот что скажите, – обратился он к поэту, уплетая сочные плоды. – Чем, по вашему, отличается талант от гения? Я вот думаю, что талантливые люди пишут в какой-либо одной, известной форме. Например, в форме сонета или поэмы. А гении – это те, кто эти формы придумывает. И ими потом пользуются все остальные. Вот вы, Иван Петрович, создали новую форму...

Тут Петя поперхнулся и схватился за горло. Он судорожно пытался схватить воздух широко раскрытым ртом. Лицо его приняло фиолетовый оттенок.

– Косточка в дыхалку попала, – констатировал поэт. – Я же предупреждал: не надо меня возносить! Разговорунился! Хватайте его за ноги, поднимайте!

Петя оказался в воздухе, головой вниз. Голова его беспомощно болталась, как резиновая груша.

– Трясите его, трясите! – торопил Иван Петович. – Авось выскочет... Сильней трясите!

Спустя некоторое время, он выхрипнул: «Номер не прошел! Глубоко застряла... в трахее...».

Дело принимало трагический оборот.

– Пит, да сделай что-нибудь! – стenal Харламий. – Спаси его! Ты же могёшь!».

– Кладите его на спину, – распорядился бывший ветеринар. – Держите за плечи. Крепко держите!

Он схватился за отвороты Петиной рубашки и резко дернул. Посыпались пуговицы. Потом обратился к Вадиму: «Дай мне ручку со стола и одеколон... вон на шкафу стоит. Еще ножик перочинный, что в стаканчике». Выхватив ручку из рук недоуменного Вадима, поэт быстро раскрутил ее с двух концов и вытряхнул стержень. Оставшуюся трубку протер одеколоном и протянул Андрею: «Держи!». Затем протер лезвие ножа и, прищурившись, вонзил нож в ямочку, пониже кадыка. Из ранки послышалось сипение; под кадыком стал надуваться кровавый пузырь. Взяв трубочку от авторучки, Иван Михайлович мгновенно вставил

ее в ранку. Трубка загудела, наподобие свирели; воздух из легких стал циркулировать в ту и в другую сторону. Лицо оператора начало розоветь, глаза вошли в свои орбиты.

– Слава тебе, Господи! – перекрестился поэт. – Боялся, что трубка окажется выше алычовой косточки. Тогда бы всё... хана!

– Доктор дорогой, спасибо вам! – облегченно выдохнул Андрей.

– Спасибо, док! – поддержал его Вадим.

– Я ж говорил, какая это знаменитая сличность?! – заметил Харламий. – Хек-хек... а вы сумлевались...

– Ну, какой я доктор, улыбнулся Иван Петрович. – Бывший ветеринар... и не состоявшийся поэт. Но, как видите... я тоже могу фокусы показывать!

Оператор тем временем пришел в себя. Опустив голову, он с ужасом смотрел на кончик качающейся ручки, торчащей из его груди. Он беззвучно открывал рот, пытался что-то сказать.

– Петя, не пытайся говорить, – не получится, – прижал к губам палец, его спаситель. – До голосовых связок воздух *не доходит*... Но ты вне опасности! Сейчас тебя отвезут в хирургию; через неделю будешь как новенький целковый... Где-то у меня был лейкопластырь, – надо зафиксировать трубку.

Он открыл аптечку, достал пластырь и вздохнул:

– Вот и попили чайку! Ну, да ладно... в другой раз. Да и в сахарнице пусто...

В машине, по рекомендации Ивана Петровича, Петра усадили на переднее сидение, укрепив ремнем безопасности. Вадим сбегал на озеро, залил в радиатор воду. Затем подошел к Андрею и что-то ему сказал. Тот кивнул в ответ. Обойдя машину, водитель открыл багажник и вытащил на траву мешок с сахаром.

– Это что? – спросил поэт.

– Это вам... к чаю, – ответил Вадим.

Хек и Пит переглянулись.

– Держись правее! – Хек-хек... – напутствовал Харламий. – Там дорога ездovитее. Путь вам чистый!

РОЖДЕСТВО

– Так, посмотрим, что у меня из еды? – почесал затылок Петя, открывая холодильник.

Там было не густо: кусок варёной колбасы, несколько ломтиков сыра на тарелке, да два апельсина – остатки вчерашнего пиршества. «Гляди-ка! Даже шампанское осталось!» – удивился Петя, заметив в дверце зеленоватую бутылку «Мадам Клико».

Вчера Петю выписали из больницы; приходили друзья: журналист Андрей и водитель Вадим, отметить его возвращение в строй. Они-то и накрыли поляну на съёмной квартире оператора. Вадим ещё пошутил с порога: «Извини, брат, но алычи твоей любимой на прилавке не оказалось! Не сезон».

«Ну, шутники! – усмехнулся Петя, продолжая внутренний монолог. – Нашли над чем стебаться! Что эти обормоты понимают в жизни?! Не было у них такого печального опыта, как у меня. Пётр нервно передёрнул плечами: «Почти два месяца проваляться в больнице из-за какой-то ничтожной алычовой косточки! Прав был Булгаков, утверждая, что человек не просто смертен, а порой внезапно смертен».

Он решил перекусить, но в хлебнице обнаружил только крошки. «Вот незадача! – раздосадовался оператор. Да у меня и денег-то нет, чтобы хлеба купить! А больничный оплатят только после праздничных каникул».

Он стал рыться по карманам и выудил несколько монет. «На хлеб вроде хватает. Надо завтра перехватить у Андрея».

По дороге в магазин Петя размышлял о превратностях холостяцкой жизни. «Вот если бы я женился – перебирал он варианты, – жить стало бы веселее... Но тут ответственность, конечно... А ещё ущемление моих прав! Хотя с другой стороны – на кой мне такая занудная свобода? Когда на хлеб приходится наскребать!».

На улице было свежо. Позёмка, белой метлой, старательно выметала дворы. Дебелые облака разрешались от тяжкого бремени весёлым роем белоснежных, порхающих бабочек. «А ведь каждая из этих снежинок имеет своё лицо, – глубокомысленно отметил Петя. И вдруг вспомнил: сегодня же Рождество Христово! Праздник сбывающихся надежд!.. У меня на этот случай и шампанское припасено!».

Настроение Пети заметно улучшилось. Проходя мимо мусорных баков, он увидел голубей, что с завидным упорством выискивали, среди отбросов, крупички живительной энергии для поддержания своей летательной радости.

Ещё он увидел собаку и вспомнил одну притчу: «К голубке, на помойке, подходит породистый, вышколенный пёс и начинает лаем поносить её. «Ты, – гавкает он, – грязная омерзительная тварь, копаешься в отбросах! И тебе не стыдно вести такой образ жизни?!» На что голубка кротко отвечает собаке: «Да, я грязная, да, я порочная птица, – в чём и каюсь непрерывно. И *ты* прости меня великодушно. Да, я ужасно мерзкая. Но зато я умею летать!».

Подходя к универсаму, Петя заметил стоявших неподалёку полицейских. Поведение одного из них показалось ему странным. Знал бы он, как ему в дальнейшем пригодится эта случайная информация!

До него донеслись обрывки фраз:

– ... четыре девятьсот! Представляешь? – возбуждённо жестикулировал сержант. – Почти пять килограммов!

– Как назовёшь-то? – спросил лейтенант.

– Иваном назову...

– Я вот тоже хотел своего Иваном назвать, но жена настояла на Сергее.

– Петрович, отпусти меня, – взмолился сержант. – Сам ведь понимаешь...

– Ладно, отпущу. Пройдем ещё несколько дворов и отпущу. Сегодня праздник. Бухариков будет предостаточно. Видишь как водку прут из магазина?

«Вот! У человека сын родился, – вернулся Петя к прежней теме. – У него радость! А ты всё бобылём ходишь! – мысленно упрекнул себя он. – Всё принцессу себе ищешь!».

Купив хлеба, вмиг ободрившись, Петя весёлым шагом направился домой. Проходя мимо мусорки, он остановился и снова посмотрел на голубей. Они уже не искали себе пропитания, а сидели, понуро, по краям мусорных баков, терпеливо ожидая человеческой милости.

Он разломил буханку и стал крошить хлеб. Шумно слетевшись, голуби жадно, чуть ли не из рук выхватывали крошки – торопились насытиться.

– Какие вы голодные! – сказал голубям Петя. – Вы точно *так же* ощущаете голод, как и мы, люди. Все существа *одинаково* ощущают голод!

Он припомнил ещё один случай, связанный с голубями. Как-то, после съёмки в храме, он поджидал на улице журналиста Андрея. На площади перед церковью было несметное множество кормящихся голубей. Некий мужичок, в синей поношенной куртке, щедро разбрасывал им пшеничные зёрна, подобно сеятелю.

Спустя некоторое время, он подошёл к оператору и попросил «огонька». Петя протянул ему зажигалку и спросил: «И давно вы... это... голубей кормите?».

Мужчина умоляюще приложил палец к губам. Он будто пытался сохранить хрупкую, одному ему ведомую тайну. Глаза его были небесно чисты, как у несмышленого ребёнка, чуждого всяческих страстей. Он достал из кармана какую-то бумажку и спалил её.

«Блаженный!» – промелькнуло у Пети в голове. Ему инстинктивно захотелось спрятаться за стоящее рядом дерево. Этот лучистый взгляд разбередил в душе Петра клубок, покоившихся до времени, гадов. Им святость была невыносима. Она их пожигала!

Блаженный, оценив перемену в его настроении, улыбнулся. Он будто уловил в лице Пети, нечто заслуживающее доверия.

– Я начал кормить голубей, – просто начал он, – когда узнал, что неизлечимо болен. У меня был рак желудка в последней стадии; многочисленные метастазы. Доктор сказал, что жить мне осталось не более трёх месяцев. Я узнал об этом случайно, из разговора моей жены с дочерью. Знаете, когда слышишь такое о других, – то это одно... но, когда узнаёшь такое вот о себе – жизнь меняется кардинальным образом.

После такой новости я больше не мог оставаться в комнате – давили стены и потолок. Я решил выйти на свежий воздух, а, заодно, покормить голубей. Не знаю, что это мне, вдруг, взбрело в голову – покормить голубей.

Я стоял на пустыре перед своим домом и скармливал птицам хлеб. Это отвлекало меня от мрачных мыслей. В окне квартиры я заметил знакомый силуэт жены. Мне показалось, что она плачет. Наверное, она думала, что я сошёл с ума.

Незнакомец помолчал, напитываясь изумлением. Потом продолжил:

– Ночью, я впервые обошёлся без обезболивающих средств, – спал спокойно. А, наутро, у меня даже аппетит прорезался. Так начался удивительный процесс моего выздоровления.

С утра я кормил голубей (причём в любую погоду), а вечером беседовал с Богом – молился. Я стремился выращивать в себе радость, как это делают некоторые садоводы, что выращивают розы.

Ровно через три месяца, я предстал пред изумлёнными очами доктора, обрекшего меня на верную смерть. Не буду описывать реакцию доктора, – достаточно сказать, что сейчас я каждое воскресенье вижу его в храме – в этой самой церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Блаженный хитро улыбнулся:

«Я вот думаю, что среди этих голубей был некий ангел, по молитвам которого и исцелил меня Господь».

У Пети выиграло профессиональное рвение: «А вы не могли бы рассказать всё это на камеру? Очень бы эта история была полезна для телезрителей».

Блаженный укоризненно посмотрел на него и отошел в сторону. Его откровения на этом закончились.

Впоследствии, Петя часто вспоминал встречу с этим человеком и его невероятную историю. Он силился понять, уловить её сакральный смысл, – поймать жар-птицу за хвост. Эта тайна не давала ему покоя. Вот и сейчас, попрощавшись с голубями и поднимаясь пешком по лестнице (Петя не любил лифт), он думал об этом.

«За что же Господь исцелил его? За какие такие заслуги? Неужто за то, что он птичек покормил? Ну, какая тут заслуга! Хотя, сказано же в Евангелие: «И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды... истинно говорю вам, не потеряет награды своей». Но с другой стороны, многие люди делают гораздо больше, некоторые даже храмы строят, а Бог их не исцеляет. Видно прав был Вадим, однажды заявивший: «Товарные отношения у Бога не катят!».

В квартире было холодно и совсем не пахло борщом. Петя отмыл руки от хлебной клейковины и стал готовить праздничный стол. Готовить, собственно, было не из чего. Он быстро нарезал колбасу, выставил из холодильника на стол тарелку с ломтиками сыра и ошкүрил

один из апельсинов (другой – оставил на завтра). Сию композицию завершала бутылка благородного Клико. Петя был доволен. Что ещё требовалось мало взыскательному холостяку?!

Он, было, взялся откупоривать бутылку, как увидел в окне нечто выпадающее из обычного распорядка во дворе. Внизу, отсвечивая рубиновыми углями, пылал походный мангал, возле которого общалась весёлая троица: двое парней и девушка в терракотовом пальто.

«Ну, надо же чего удумали! Шашлык в центре города жарить! – не поверил глазам Петя. — *Так* вот они Рождество встречают!».

Движимый любопытством, он вышел на балкон, и посмотрел вниз. С пятого этажа было хорошо слышно, о чем говорили внизу.

– ... я водку не пью, Миша! Ты же знаешь, – донёсся до его слуха жемчужный девичий голосок.

– Слышишь, Степан? – откликнулся её собеседник. Сестрица Алёнушка капризничает, – ей шампанское подавай!

– Да вы с детства были эгоистами, – укоризненно заметила Алёнушка. – Только о себе и думаете... Да! Глоточек Клико я бы в честь праздника выпила.

– Извини, сестрёнка, в следующий раз все будет тип-топ. Сама знаешь, решение выбраться на улицу, возникло спонтанно, – собирались наспех.

– А ты что, «Мадам Клико» пробовала? – спросил тот, который Степан.

– А помните, отец на мой день рождения покупал? Когда мне восемнадцать лет исполнилось. – напонила девушка. – Шампура-то поверни, а то пригорит.

«Надо же, какое совпадение! – удивился Петя. А у меня, как раз, Клико на кухне киснет».

Звонкий Алёнушкин голосок ввёл его с состояние лёгкой пришибленности, равной начальной стадии алкогольного опьянения. В нём он уловил созвучные сердцу родные нотки.

«Угостить, что ли, девушку шампанским? – подумал он. Хороший повод познакомиться. А что такого необычного, – убеждал он себя, стараясь, прирасти в смелости. – Очень, даже естественно угостить девушку её любимым Клико. Хотя... (флюгер в его душе сменил направление) – прилично ли влезать в чужую компанию? В её обособленный мир» – Петя задумался.

Нет, это было не в его правилах. Да и как отреагирует девушка? Он ощутил лёгкий озноб и решил, скрепя сердце, вернуться к своему сиротскому ужину. Но тут заметил, что к компании, припадая на ногу, приближается бомжеватого вида мужчина. В его походке, во всём его невзрачном облике, просматривалось затравленное существо, – всеми брошенное, слабое, близкое к гибели.

«Вот ещё один „голубь“ с помойки, – подумал Петя. – С перебитыми крыльями».

И решил *досмотреть* «кино».

Подойти близко к компании бомж не решился, а деликатно стал поодаль, как побитая собака.

– С Рождеством Христовым! – хрипло промолвил он. – Вы не подумайте, что я к вам напрашиваюсь... Я просто хотел спросить... хотел спросить... – замялся он (что-то клоко-чущее внутри мешало ему закончить фразу).

– И вас с Рождеством! – живо откликнулась девушка. – Подходите к нам, попробуйте наш шашлык!

Тот, который Степан, досадливо махнул рукой (пропал, мол, праздник!).

– Да ладно уж, подходи, – выпей чарочку! – смилостивился тот, который Михаил. – Как зовут-то?

– Николай, – ответил бомж, принимая в кулак пластиковый стаканчик.

Он выпил водки, но от шашлыка отказался:

– Я бы с большим удовольствием, но мне (Николай смутился) ... мне, понимаете ли, жевать нечем. Я вот лучше хлебушка, хлебушка...

Стоя на балконе, Петя ощущал острую жалость к бомжу Николаю. А еще он ощущал к нему... зависть. Да-да, именно зависть. Ведь он сейчас мог быть на его месте, если бы не смалодушничал. Мог бы стоять рядом с этой чудесной девушкой, – упиваться её вниманием, ощущать милое гостеприимство. Он снова наострил уши.

– Так что вы хотели узнать Николай? – спросила Алёна.

– Вот посмотрите, – показал на сапог бомж. – Подошва оторвалась. Я её проволокой прикрутил, но снег вовнутрь всё равно попадает! Нет ли у вас старых зимних сапог сорок третьего размера, или ботинок?

Братья помолчали, прокручивая в голове варианты.

– Извини, братан, но лишних сапог у нас нет, – ответил тот, который Степан.

Петя вздрогнул. У него как раз была лишняя пара сапог, хотя и поношенных, но ещё вполне крепких. То, что сапоги были сорок четвёртого размера, его не смущало. «Дам ему в придачу шерстяные носки, и будут в пору, – решил он. – Вот тебе и повод!».

Сборы были стремительными. В поисках сапог, Петя вывалил из шкафа всю свою обувь. Найдя сапоги и, попутно, оценив их добротность, он засунул в них толстые шерстяные носки. «У меня ещё есть пара», – успокоил он свою совесть. Сапоги он поместил в большой пакет, и, подумав, добавил бутылку шампанского. Успел он как раз вовремя. Бомж прощался с компанией.

– Постой, Николай! – окликнул его Петя, видя, что тот заковылял по дорожке.

Бомж остановился в нерешительности и повернул голову:

«Это вы мне?».

– Да тебе, тебе!

Петя быстро подошёл к Николаю и протянул ему руку:

– С Рождеством тебя, Николай!

– И вас... и тебя с Рождеством Христовым, – бледно улыбнулся Николай. – А откуда ты меня знаешь?

– Это неважно! Меня послали исполнить твою просьбу.

– Какую такую просьбу? Я ничего не просил... – насторожился он.

– Ну, так сапоги ты у ребят просил? Или нет?

Бомж зябко пожал плечами. Компания, находившаяся неподалеку, притихла. Петя спиной ощущал возникшее в её рядах напряжение, но намеренно не обращал на неё внимание.

– Да, я спрашивал про сапоги у ребят, – пытался оправдываться бомж. – Но я не попрошайничал, я просто хотел...

Николай растерялся. Он не понимал происходящего, и старался обелиться перед этим, неизвестно откуда появившимся, странным человеком. Богатый опыт общения, с бытово устроенными людьми, ничего хорошего не сулил. Это были люди *другой* касты.

– У меня подошва оторвалась... проволокой прикрутил, – бормотал он.

– Николай, да я *знаю* твою проблему. Тебе не в чем оправдываться! – прервал его Петя. – Мы решили, что тебе лучше подойдут сапоги сорок четвёртого размера, а не сорок третьего. Чтобы носки можно было поддеть.

– Кто это мы? – выдавил из себя бомж.

– Наш ангельский совет, – нашёлся Петя, и указал пальцем в небо.

Николай, молча, принял из Петиных рук сапоги и прижал их к груди. Он стоял, с зажмуренной душой, не смея поверить в свою удачу.

Петя обратился к компании:

– Братья, давайте поможем человеку переобуться! Вы не против?

– Да-да! – поспешно откликнулся тот, который Степан, – видимо старший их них.

Братья нерешительно подошли к Петру, оставив за спиной свою сестру, – присматривать за шашлыком.

– Степан, ты придерживай Николая за плечи, а ты, Михаил, поднимай, поочерёдно его ноги, – начал операцию Петя. – А я буду его переобувать.

У братьев округлились глаза.

– Что за чертовщина?! – прошептал Михаил. – Ты и *наши* имена знаешь? Но откуда?

– Миша, не надо употреблять это мерзкое слово. Тем более в столь великий праздник, – укорил его Петя. – Я много чего знаю!

– Да я сам переобуюсь! – запротестовал бомж.

– Ну, давай сам, – согласился Петя. – Мы тебя только слегка поддержим.

Бомж переобулся, наскоро простился, и исчез из виду.

– Гляди-ка, как зафитилил! – рассмеялся Степан. – Даже хромота прошла!

– Мог бы и спасибо сказать, – заметил Михаил.

– Да он поблагодарил! По глазам видел, – ответил Петя. – Не хочет расплескать свою радость. Потому и молчит.

– А ты что, по глазам читаешь? – улыбочиво спросил Степан. Ну, вот как ты узнал наши имена... и то, что мы братья? И как узнал про ботинки? Откуда, вообще, взялись эти ботинки?

– Друзья! Если я скажу «как», то очарование праздника мгновенно исчезнет! И возникнет серое разочарование. А оно нам надо?

– Слышь, присоединяйся к нам! Давай вместе отметим Рождество, – предложил Михаил.

– А ваша сестрица против не будет? – спросил Петя. – Честно говоря, побаиваюсь я... красоток.

– Вообще-то она у нас дикая, – хохотнул Степан. – Представляешь, девке двадцать лет, а она ещё ни с кем не встречалась!

– Ей принца подавай! – поддержал брата Михаил. – На меньшее она не согласна. От друзей наших нос воротит! – Он оглянулся назад и понизил голос. – Ждет, как эта... (он покрутил пальцем у виска) чувиха одна из кино... Как же кино-то называется?... Не помню... В общем, там одна чокнутая, ждала принца, что бы приплыл к ней под алыми парусами.

Михаил взглянул на брата и продолжил:

– Вот Степан хотел её со своим другом познакомить. Хороший парень: и сам из себя, и при деньгах... Сохнет по ней. А она нам заявляет: «Без любви не пойду!». Дура! Мы что тебя замуж что ли выдаём? Хоть присмотрелась бы к человеку!

Он кисло скривился, снова посмотрел на брата, и сделал убийственное заключение:

– Это для вас она красотка, а для нас – коза капризная!

«Да-а... шансов у меня немного, – упал духом Петя. – Внешностью я особой не блещу, да и денег у меня...»

– Ну, что ж пойдём, отведаем вашего шашлыка, – вздохнул он.

Братья вернулись к мангалу, шутливо ведя Петю под руки.

– О чём это вы там шептались? – спросила их сестра.

– Да ни о чём! – отмахнулся один из братьев, – анекдот рассказывал. Не для твоих ушей! Вот, принца тебе привели. Встречай, принца-то!

– Принца? – рассмеялась Алёнушка, – и давно вы знакомы с этим принцем?

Она посмотрела на Петю. Взгляд её синих глаз весело трепетал, как огонёк свечи. Петя опешил. Он почувствовал, как какой-то огненный шар, неизвестного происхождения, стремительно вошёл в его сердце.

«Пропал! – ужаснулся Петя. – В меня вошла шаровая молния! Что она со мной сделала?!»

Да! Это была ОНА! Девушка его мечты.

Он посмотрел на небо: там появилась одна, пока не ясная, пленительная звезда. Самая главная в его жизни. Вглядываясь, в проветренное радостью лицо девушки, он, вдруг, ясно осознал, что звезде уютно в его сердце, и она не хочет его покидать.

Петя взял себя в руки, поместив своё сердце в холодные клещи рассудка. Он ругал себя за излишнюю самонадеянность: «О чём смеешь мечтать, осёл? Что ты о себе возомнил?». Но у сердца были свои резоны. И он продолжал молчать, не умея вписаться в собственный восторг.

– Что же вы молчите, *братики*? – продолжала Алёна, не сводя глаз с Петра. – Не хотят мне *братики* отвечать! – состроила она глазки.

У Пети ёкнуло сердце. Она специально выделила слово «братики», *специально* для него! Чтобы он не подумал, что у неё есть парень. Такие вот штучки заложены в женских генах.

– Мы его видим в первый раз, как и ты, – нарушил молчание Степан. – Ты у него сама спроси, как он имена узнаёт.

– Степан, хватит меня разыгрывать! Это уже не смешно, – поджала Алёна губки. – Человек встретил знакомого, передал ему обещанные ботинки. Вас он называл по именам, – значит и с вами знаком. Вот и всё!

И лучезарно улыбнулась.

– Давайте знакомиться, – предложила она. – Друзья моих братьев – мои друзья! Как вас зовут?

– Пётр, – представился Петя.

– А меня зовут...

– Стой! – закричал Михаил. – Пусть он сам узнает, как тебя зовут! И ты убедишься, что мы не врём.

– Но, наверное, вы уже назвали Петру моё имя?

– Нет, – возразил Петя. – Мне не говорили вашего имени.

– У меня очень редкое имя. Его случайно не отгадаешь. Я могу вам подсказать, на какую букву оно начинается (ей явно хотелось ему помочь).

– Не надо подсказывать... Вас зовут Алёна, – заглянул Петя в шумящую синеву её глаз.

Она опустила ресницы, – будто обожглась.

Братья захлопали в ладоши:

– Ну, ты фокусник!

– Я не фокусник. Я добрый волшебник! – улыбнулся Петя.

– И что добрый волшебник делает в нашем дворе? – подыграла ему Алёна.

– Да вот хожу, исполняю желания. Только что исполнил желание доброго бомжа Николая. Теперь, вот, хочу *ваши* желание исполнить.

– Моё желание уже исполнилось, – засветилась девушка.

И запнулась. И зарделась. И рассмеялась.

«Удивительное создание, – подумал Петя. – Она из всего хлама извлекает для себя радость».

– Да она шампанского хотела! «Мадам Клико» называется, – закричал Степан. И ехидно уставился на Петра (как теперь выкрутишься, жених?).

– «Мадам Клико» – это неправильное желание, – сжалился над Петей Михаил. – Это блажь! И, вообще, желания надо экономить. Порадовал, вон, бомжа – и хватит!

Петя театрально поднял руку:

– Прошу тишины! Желание Алёнушки вполне законно. Сегодня большой праздник. Клико как раз подойдёт!

– Что? В магазин побежишь? – спросил Михаил. И с укором посмотрел на сестру (та замахала руками).

– Не надо бежать в магазин, – отрезал Петя. Таким способом я желание исполнить не могу. У меня деньги закончились.

Братья рассмеялись.

– А каким можешь?

Петя выдержал паузу. Он знал, как бывает важно выдержать паузу. Медленно всех оглядел и... извлёк из пакета бутылку Клико. Результат был убойным. После нервного, затянувшегося молчания, а точнее – шока, когда вино было уже открыто и разлито по стаканам, Алёна заметила:

– Что-то я начинаю вас бояться, Пётр. Опасный вы человек!

– Не надо меня бояться, – заволновался Петя. – Страшит то, что непонятно! Я вам сейчас всё объясню. Надеюсь, что вы меня после этого не прогоните.

Петя не хотел начинать знакомство с девушкой с вранья. Он показал на свой балкон и рассказал, связанную с этим балконом историю. Братья укатывались со смеху, хвалили Петю. Улучив момент, когда они деликатно отошли в сторонку, Петя предложил Алёне встретиться. Она будто ждала этого:

– Завтра я работаю до восьми часов. Вот тут аптека за углом. Приходите к закрытию, погуляем, – без тени жеманства согласилась она. – И, подумав, смущённо добавила: «Это моё первое свидание».

Петя не верил своему счастью. «Неужели это случилось со мной?! Не сон ли это?» – в общем, весь набор банальных мыслей, возникающих в воспалённом мозгу всех, без исключения, влюблённых. Но, как известно, счастье – наказуемо. Ему надлежит пройти испытание.

Из арки срочным шагом вышли двое полицейских и направились прямо к ним.

– Ты смотри, Петрович, что творят! – возмутился один из них. – Во оборзели! Шашлык во дворе жарят... Вы, что? Бомжи бесквартирные?

Служивые подошли к мангалу. Их взгляды пронзали насквозь, как шампура.

– Э-э! Да вы ещё распиваете в общественном месте, – указал дубинкой на бутылку лейтенант. – Будем оформлять протокол!

Приглядевшись, Петя вспомнил: он видел этих полицейских у магазина, когда покупал хлеб. «У этого сержанта сегодня сын родился», – всплыло в памяти. – Точно!

– Товарищи полицейские, вы нас извините, – испуганно-просительно обратилась к ним Алёна. – Мы сейчас всё соберём и уйдём. Мы больше не будем во дворе праздник отмечать!

Она тайком погрозила братьям кулачком (говорила же вам!). Братья молчали. Они по горькому опыту знали, что все увещевания тут бесполезны и даже вредны.

– Что за детский лепет? – деланно возмутился лейтенант. – Ты слышишь, сержант? Они больше не будут! Сначала штраф оплатите, а потом «будете ли вы, или не будете» – это уже на ваше усмотрение.

– Когда я был школьником, я оправдывался перед отцом примерно так: «Честное слово, папа, это моя последняя двойка!» – хихикнул сержант.

«Он смотрит на мир с ласковым прищуром голодного крокодила» – припомнил Петя вычитанную где-то фразу. И мягко отстранил девушку:

– Алёна, не надо унижаться перед этим бессердечным человеком!

– Что? Бессердечным? – сдвинул брови лейтенант.

– Да, бессердечным! – продолжил Петя, и обратился к братьям: «У его напарника сегодня жена родила, а он его до сих пор в роддоме не отпускает!

Лейтенант выпучил глаза и застыл с дубинкой, как регулировщик перед потоком наглых машин.

– А ты откуда знаешь, что у меня жена сегодня родила? – ошарашено спросил сержант.

«Спектакль продолжается», – подумал Петя и продолжил:

– Ваша жена родила сегодня сына. Вес четыре девятьсот!».

– Ты что, в роддоме работаешь? – тупо поинтересовался сержант.

– Даже если б я работал в роддоме, – усмехнулся Петя, – откуда мне знать, что именно *ваша* жена родила?

– Так откуда ж ты узнал? Я ведь сам только узнал (он посмотрел на часы), полтора часа назад!

– Давайте сделаем так, – предложил Петя. – Я скажу, как вы назовёте своего сына, а вы нас отпускаете с миром.

Сержант вопросительно посмотрел на лейтенанта. Лейтенант покрутил головой. Ему начинала нравиться эта игра.

– Хорошо! – сурово сказал он. – Я отпущу вас, но с тем условием, что ты (он указал дубинкой на Петра) назовёшь имя и *моего* сына. Идёт?

– А вы тогда точно нас отпустите? – так же строго спросил Петя.

– Слово офицера!

– Так вот, – начал Петя. – Сержант назовёт сына Иваном. А вашего сына зовут Сергей. Вообще-то вы своего тоже хотели Иваном назвать, но жена настояла на Сергее (рискнул добавить он). Тут всё просто!

Лейтенант побагровел. Вечерние сумерки насытились чёрным электричеством. В его голову пришла страшная мысль: «Она путается с этим щелкопёром! Откуда он может знать такие подробности? Ведь об этом знаем только мы с женой... Но этого, просто, не может быть!»

Алёна была не в меньшей растерянности. «Значит, он нам соврал про балкон, – думала она. – Он с лёгкостью читает чужие мысли! Можно ли жить с человеком, который постоянно читает твои мысли? – ужаснулась она. Но тут же внутренне одёрнула себя: «Боже, как же я далеко зашла... Вот дура-то!».

– Вот что, – вышел из оцепенения лейтенант. – Я вас, конечно, же отпущу, как обещал. Но прежде (он скрипнул зубами) ты расскажешь мне, откуда всё узнал.

– Откуда-откуда, – спародировал его Петя. – Я и сам не знаю, как это у меня получается. Дар у меня такой! А слово своё надо держать!

Лейтенант угрюмо молчал, раскачиваясь с пятки на носок. Он думал. Братья уже собрали посуду, засыпали снегом мангал и готовились отчалить.

– Ладно, вы можете идти, – указал он братьям и их сестре.

Те быстро подхватили рюкзак и мангал, и пошли к своему подъезду.

– Алёна, ты чего? Пошли! – обернулся Михаил.

– Идите! Я попозже приду!

– А вас, Штирлиц, – усмехнулся лейтенант, – я попрошу остаться! Вы, девушка, идите, идите! Я же вас отпустил.

– Алёна, иди, – поддержал лейтенанта Петя. – Завтра увидимся!

– Я пойду, когда вы его отпустите, – заявила Алёна.

– Мы на пять минут в отдел заедем и привезём вашего друга обратно. Слово офицера!

– Знаю я ваше слово! Тогда я тоже с вами поеду.

– Классная у тебя девушка, – улыбнулся лейтенант. – Верная будет жена. – И добавил: «У меня тоже такая!» – Ладно уж, поехали вместе!

Уже в машине, обернувшись с переднего сидения, он в нескольких словах обрисовал Пете ситуацию:

– Понимаешь, у моего коллеги такой случай запутанный. Покажу тебе одно уголовное дело. Поможешь разобраться?

Петя пожал плечами. Ему было по барабану. Ему теперь всё было нипочём! Ведь рядом с ним сидела его любимая девушка. А ради неё он был готов свернуть горы!

– Он поможет! Он обязательно вам поможет! – убеждала лейтенанта Алёнушка.

С измождённых скул лейтенанта медленно сползла улыбка:

– В общем... один «глухарь» надо раскрыть.

А Петя молчал и неотрывно смотрел вдаль, через лобовое стекло. Там впереди, на горизонте, возгоралась рождественская звезда.

ПИСЬМО ИЗ АДА

Вечером в монтажную аппаратную заглянула озабоченная Нина – помощник главного редактора.

– Андрей, тебя вызывает главред. Сказал срочно!

– У него всегда срочно! – поморщился Андрей. – Не дадут сюжет домонтировать, сатрапы!

– Да ладно, Андрей, мы сами домонтируем, – откинулся в кресле режиссёр новостей и посмотрел на монтажёра Дмитрия. – В конце концов, журналист не обязан присутствовать на монтаже, – проворчал он.

Режиссёр терпеть не мог, когда кто-нибудь из этих настырных, как он выражался, – «бумагомарак», влезал в его творческий процесс. Тогда возникали жаркие споры: какой план лучше приклеить в данный момент и какой дубль будет смотрибельней. И он гнал их в шею из аппаратной. Но для Андрея делал исключение. Уважал.

– Иду, иду! – нехотя оторвался от насиженного места спецкор. – Последний кадр пусть будет вот *этот* (подчеркнул он таймкод на листе раскадровки).

С главным режиссёром Андрей был, что называется, «на короткой ноге», с поправкой на возраст босса и его статус. Один строгий выговор за пять лет, согласитесь, – неплохой тому показатель.

«Косяков, вроде за мной нет, – думал спецкор, шагая по коридору. – Скорее всего, съёмка какая-то чрезвычайная всплыла. Только бы не сегодня!

– Присаживайся, Андрей, – потёр, в привычной манере, ладони главный редактор, едва тот переступил порог кабинета.

– Съёмка сегодня? – с ходу спросил спецкор, выказывая лёгкую нервозность.

– Погодь, не забегай, – поморщился главред. – Съёмка завтра с утра.

Андрей с облегчением присел на край кресла и приготовился слушать. В отличие от своих коллег, он знал, как *правильно* слушать начальника. Эту методику он позаимствовал несколько лет назад у одного известного психолога, когда делал с ним передачу.

Суть метода сводилась к тому, что нельзя разваливаться в кресле, расслабляться, – это делает твою душу уязвимой, и ты становишься легко управляемым. Нужно сидеть всегда прямо! Это, в-первых. Во-вторых, слушая своего собеседника, нужно смотреть на его кадык, а не в глаза. Тогда твой визави, лишённый возможности на тебе сфокусироваться, теряет в себе уверенность и лишается инициативы. И, в-третьих, – когда сам говоришь, – всегда смотри собеседнику в правый глаз. И он непременно ощутит к тебе полное доверие.

Этот метод Андрей довёл до совершенства и держал в секрете сие безотказное оружие. Метод не давал осечек.

– Вот что, Андрей... – тучно поёрзал в кресле главред.

В общении с Андреем он всегда чувствовал себя неуютно, как мальчишка перед учителем. Но это ощущалось, когда он говорил сам.

Он облизал лоснящиеся вишни губ:

– Намедни звонил глава администрации Добронского сельсовета. У них обнаружили склад боеприпасов... Времён Отечественной войны.

Редактор помолчал, машинально выписывая пальцем на папке вензель, отдалённо напоминающим свастику. И решительно прихлопнул его ладонью:

– Завтра с утра там будут производиться раскопки, – продолжил он. – Приедут сапёры... Надо отснять сам процесс. И взять интервью по горячим следам.

– Сделаем, Николай Евгеньевич! – перевёл Андрей взгляд на правый глаз режиссёра. – Надо успеть на завтра заявку в гараж подать.

– Да успеешь, – зевотно помахал пухлой ладошкой редактор. – Я вот думал, кого мне послать на это мероприятие и выбор пал на тебя. Ты, конечно, шалопай ещё тот, но в отличие от других, всё же умеешь себя держать в определённых рамках.

Редактор развёл ладони в стороны, как бы показывая эти самые рамки.

Андрей озорно сверкнул глазами:

– Николай Евгеньевич, а как показывают, обычно, толщину сала?

– Какого ещё сала? – поднял брови редактор.

– Да обыкновенного сала! Как пальцами обычно показывают его толщину?

Редактор задумчиво побарабанил по краю стола. Потом выставил вперёд правую руку и показал большим и указательным пальцем промежутки между ними:

– Так показывают толщину сала! Ещё так показывают толщину книжки, – добавил он.

– Именно таким вот малюсеньким, невинным поросёночком, пять лет назад, пришёл я в редакцию новостей, – сказал Андрей. – А стал вот ТАКОЙ свиньёй! – Широко развёл он в стороны руки.

– Да-а! – заржал редактор, обнажая прокуренные зубы. – Под моим чутким руководством!

Он обожал острые шуточки своих сотрудников и (что важно!) никогда на них не обижался.

– А как обнаружили этот склад? – поинтересовался Андрей.

– Да как обнаружили... – оживился главред. – Занятная история! Представляешь, нашли у одного мальчишки новенький пистолет «Вальтер». Мальчонка, как водится, похвастался перед своим дружкой трофеем. А отец дружка услышал их разговор, да всё из мальчика и вытряс.

Оказалось, мальчишка обнаружил узкий лаз в меловой горе. Он туда протиснулся и попал в пещеру полную оружия. Так утверждает мальчишка. Судя по состоянию пистолета, оно прекрасно сохранилось в меловой горе. Ты этого юного кладоискателя обязательно отыщи, пусть на камеру расскажет, как всё было.

– Хорошо, Николай Евгеньевич, мы его отыщем, – заверил редактора Андрей. – Интересный должен сюжет получиться.

Редактор лениво потянулся в кресле, перераспределяя затёкшие внутренние органы. Андрей снова упёрся взглядом в его кадык.

– Ты там, по случаю, пистолетик мне один прихвати, – походя, вполголоса протянул редактор, будто речь шла об обыкновенной булочке с маком.

– Николай Евгеньевич, вы меня что?.. под статью хотите подвести? – не поверил своим ушам Андрей.

– Ладно, шучу-шучу! – замахал тот руками. – Проверяю тебя, извини! Боюсь, что вы там вооружитесь, втихаря, и начнёте бандитствовать, под видом съёмочной группы. Велик соблазн. Велик! – И, помолчав, добавил:

– Ну, пошутили, и будет! Выезд завтра в шесть утра. Предупреди группу.

По дороге на место съёмки оператор Петя волновался. Два месяца простоя давали о себе знать, и, сейчас, сидя в машине, с камерой на коленях, он обновлял необходимые настройки, и вновь и вновь прокручивал в голове возможные варианты предстоящих телодвижений. Он заново привыкал к камере, как привыкает жених к невесте после долгой разлуки. Примет ли? Так же любит? Так налаживает утраченную связь пианист со своим инструментом. Тут, главное, вновь почувствовать уверенность в себе, чтобы в ответственный момент, пальцы не дрожали.

– Петь, так чем закончилась эта история с шашлыком? – обратился к нему водитель Вадим. – Удалось тебе раскрыть «глухарь»?

– Да не я раскрыл, – отмахнулся Петя. – В описании преступления, Алёна, обратила внимание на одну малосущественную деталь. Следовательно за неё зацепился и, в результате, преступление удалось раскрыть.

– С девушкой-то нас познакомишь? – улыбнулся спецкор.

Петя кивнул головой и, в свою очередь, спросил:

– Ну, что интересного снимали за последнее время?

– Да ничего интересного, – поморщился спецкор. – Сплошная рутина. Вот ты вернулся, – и сразу сюжеты интересные пошли. Ты у нас... как магнит: притягиваешь сочные события. Хотя потом долго приходится расхлёбывать!

– Мне про художника сюжет понравился, – откликнулся Вадим. – Который самого Плюшкина переплюнул!

– Что за сюжет?

– Э-э! – скривился Андрей. – Мне стыдно за эту работу! Окрестить психически больного человека Плюшкиным?! До сих пор не могу себе простить!

Журналист помолчал и продолжил:

– В редакцию позвонили соседи этого самого художника и сообщили, что в его квартире произошло возгорание. Хорошо, что пожарники вовремя приехали и соседи не пострадали. Ну, подмочили их немного. Так вот, этот пожилой пейзажист занимался тем, что выискивал в мусорных баках всевозможные предметы быта, складывал весь найденный хлам в пакеты и приносил домой. Кстати сказать, сын у этого «Плюшкина» оказался весьма состоятельным человеком. Он предлагал отцу переехать в свой особняк, но художник и слушать его не хочет.

– Ну конечно больной! – согласился Петя. – Не желал бы я с таким «больным» жить по соседству!

– Представляешь, когда мы попали в его квартиру, – вклинился Вадим, – там, просто негде было развернуться! Горы мусорных пакетов до самого потолка, а между ними – узкий проход, ведущий на кухню. В зале вообще прохода не было, – всё завалено мешками с хламом. А по стенам – картины художника.

При въезде в село Вадим остановил машину и окликнул прохожего:

– Здравствуйте... Скажите, как нам проехать к меловой горе? Ну там, где...

– Эт где склад с оружием нашли? – прошамкал старик, приподняв клапан треуха.

– Да... там. Вы тоже знаете про склад?

– Вся деревня знает, – шмыгнул носом старик. – Только вы опоздали! Боеприпасы и оружие уже вывезли. Много там чего было. Цельную машину нагрузили.

– Как вывезли?! – встрепенулся спецкор. – Операция было назначена на девять часов. А сейчас только восемь двадцать! Вадим, поехали в администрацию, – скомандовал он. – Нет, ну надо же! Что за люди?! Они же нам съёмку сорвали!

Главу администрации спецкор застал в кабинете. Тот разговаривал по телефону:

– Да, всё прошло планово. Осталось только останки забрать.

– Василий Степанович, – не выдержал Андрей. – Почему вы нас не дождались? Ведь мы договаривались на девять часов. Вы же нам съёмку сорвали!

Глава в сердцах бросил трубку:

– Да не мог я ждать до девяти! – напористо забасил он. – Народ пронюхал... про этот склад с оружием. К девяти, там бы уже всё село собралось! А если бы рвануло? Там одних снарядов более полсотни было. Да ещё мины. – Насупился он. – А я за народ отвечаю! По закону отвечаю... Понимаешь? Потому мы и начали операцию на полтора часа раньше.

– Да понимаю, – разочарованно протянул Андрей. Жаль! Приехали, что называется к шапочному разбору. Ну давайте, хотя бы, синхрон с вами запишем.

– Чего-чего?

– Интервью можете дать?

– Знаете что... Поезжайте-ка вы на меловую гору. Там у входа в пещеру наш участковый дежурит. Он вам всё распишет в подробностях. Я ему сейчас на сотик позвоню.

– Василий Степанович, так из пещеры, надо полагать, всё уже вывезли. Что он там охраняет, участковый ваш?

– Всё, да не всё! Там в пещере ещё мумия осталась. Ждём судмедэксперта из города.

– Мумия?

– Мумия, – втянул щёки глава администрации. – Останки немецкого солдата. Он неплохо сохранился в меловом склепе.

– Хорошо, – съязвил спецкор. – Будем брать интервью у мумии. У нас выбора нет.

Меловую гору нашли быстро, – она возвышалась на выезде из села. Наверх поднимались вдвоём: спецкор и оператор. Водитель остался в машине. Стояла прозрачная погода. Морозный воздух живительной свежестью вливался в лёгкие. Под ногами, капустными листьями, аппетитно похрустывал молодой снежок. Хотелось петь.

На пологой вершине холма их встретил улыбчивый человек в полушубке и в шапке надвинутой на брови.

– Папарацци салют! – бодро приветствовал он гостей. – Мне тут глава звонил. Встречай, говорит, телевизионщиков. Вот только не мастак я языком чесать! Что вас интересует?

Спецкор дал оператору команду «мотор».

– Я так понимаю, – начал он, – высотка эта, во время проходящего сражения, была занята немцами?

– Да, фашисты удерживали её. Здесь располагалась их артиллерийская батарея, – отчеканил участковый. – Мы тут ещё пацанами в войнушку играли посреди разбитых орудий. Потом эти орудия в металлолом свезли.

Капитан помолчал и выдохнул клуб морозного пара:

– Видите за моей спиной этот бугор? – продолжил он, указывая на нависающий уступ с лазом посередине. – В этой меловой пещере фашисты устроили склад боеприпасов. Так вот, после миномётного обстрела нашими, вход в пещеру обвалился и склад на десятилетия оказался законсервированным.

– Скажите, а как удалось обнаружить склад? – спросил в микрофон Андрей.

– Да один мальчонка хотел сфотографировать село сверху, чтобы выложить в интернете. Взобрался на гору и увидел, что отвалился пласт мела с уступа. И проник в пещеру через образовавшийся лаз.

– Что находилось в этой пещере?

– Полтора часа назад тут работали сапёры. Было обнаружено более полусотни снарядов, семь ящиков мин, множество гранат. Из оружия: девять автоматов «МП-40», магазины к ним и четыре пистолета фирмы «Вальтер». Всё в прекрасном состоянии.

– Товарищ капитан, вы сейчас дежурите у входа в пещеру. Что вы охраняете? Ведь, как я понимаю, всё из неё уже вывезли?

Участковый недоумённо пожал плечами:

– Глава администрации попросил меня присмотреть, пока эксперт из города приедет. Там – указал он пальцем в глубину пещеры, – труп немецкого солдата. Знаете, сельские мальчишки могут... Они народ проказливый... могут поглумиться.

Спецкор опустил микрофон.

– Всё, Петь, синхрон записали. Цепляй фонарь, – полезем в пещеру, с фрицем знакомиться. Надеюсь, товарищ, – он посмотрел на участкового, – не будет возражать?

«Товарищ» безразлично махнул рукой:

– Снимайте! Чего уж там.

Пещера оказалась неожиданно просторной. Оператор свёл камеру по меловой стене и продолжил съёмку. Снимать, особо, было нечего. Пещера была гулка и пуста: молочный пол, стены, такой же молочный потолок. У дальней стены лежало нечто продолговатое, отдалённо напоминающее человеческое тело.

Спецкор подал знак оператору и подошёл поближе. То, что он увидел, привело его в состояние брезгливой оторопи. На спине, вытянувшись в струнку, лежал покойник со скрещёнными руками на груди. Он весь был покрыт тонким слоем мела, включая открытые части

тела: лицо и руки. Военный его мундир был так же белоснежен, как и его сапоги. Всё это создавало тягостное впечатление, будто покойника обвалили в муке.

– Петя, снимай, – заволновался Андрей. – Ты посмотри, как строго лежит!

– Да-а... лежит, как на параде, – скривился Петя. – Хотя... не будем насмехаться над поверженным врагом... Он теперь, всё понял.

Рядом с покойным, у его правого плеча, лежала каска, покрытая меловой пудрой. Спецкор покосился на неё и присел на корточки.

– Надо что-то умное сказать телезрителям. В связи с этой каской, – пробормотал он. – Петь, как ты думаешь, что тут можно сказать?

– Ну, скажи, что эта каска его не защитила... от неминуемой кары. Что-нибудь в этом роде, – посоветовал оператор.

Спецкор, двумя руками, брезгливо приподнял каску и приготовился толкать умную речугу, но тут заметил под каской блокнот.

– Смотри, Петя, я блокнот нашёл! – он отложил каску и поднял кожаный блокнот со свастики на обложке. – Посвети-ка сюда.

Он открыл блокнот, – из него выпал карандаш.

– Текст хорошо сохранился. Писали, видимо, химическим карандашом, – поморщил лоб Андрей.

– Да *он* и писал, – высветил Петя фонарём меловое лицо покойника.

– Погоди, погоди... Посвети на блокнот. Я попробую перевести с немецкого. «Hallo, liebe Martha!...», – начал Андрей разбирать строчки.

– У меня аккумулятор скоро сядет, – прервал его оператор. – Возьми блокнот с собой. Потом переведёшь!

– Петя, как ты не понимаешь! – возмутился Андрей. – Ну да, тебе хочется поскорей на свежий воздух. Потерпи немного. Я должен телезрителям прочитать письмо от имени этого солдата... В этом склепе. И убитый солдат должен быть в кадре.

Спецкор быстро пробежал глазами текст:

– Я готов. Включай камеру.

– Дорогие телезрители, – начал он. – Нами был обнаружен блокнот немецкого солдата. Документ этот многие годы пролежал вот здесь, под каской, рядом со своим адресантом. Я постараюсь вам перевести записи из него на русский язык:

«Здравствуй, дорогая Марта! Захотелось перед смертью поговорить с тобой. Два дня назад я был тяжело ранен осколком мины и теперь не чувствую ног. Русские яростно атаковали высоту, мы яростно отбивались. Мои друзья: Ганс и Фридрих перенесли меня в эту пещеру. О, мои верные друзья! Вы погибли смертью храбрых, как и вся наша батарея. Какая ужасная гримаса судьбы, – забрать их, полных сил, и оставить в живых инвалида. Вчера с утра был внезапный налёт вражеской авиации. Нам хорошо знаком омерзительный рёв русского Ила. Это чудовище ни с чем не спутаешь! От него выворачивает наизнанку. Бомбанул – и всё накрыл. Нет батареи! Всё было решено в мгновение ока. А я оказался в кромешной тьме, – завалило вход. Я долго прислушивался, всё ждал, что меня отроют. Мои друзья точно бы меня отрыли, если бы остались живы. Нельзя передать словами, что значит быть заживо погребённым! Но, как ни странно, и с таким ужасным положением можно «примириться». У меня осталась банка сардин в оливковом масле. Я пробил в ней дырку и вставил самодельный фитиль. Теперь, пока масло не выгорит, я смогу писать тебе. Знаю, что ты никогда не прочитаешь этих строк, но так мне легче. Я вот думаю, стрелять ли мне, если меня, вдруг, отроют русские? Я не к тому, чтобы погибнуть героем, как учил нас великий фюрер. А к тому, что не хочу жить безногим пнём, быть кому-то в тягость.

Ох уж эти герои! Помнишь, Марта, как ты провожала меня на восточный фронт? Как все вы гордились нами, называли нас героями. Что нам выпала великая честь освободить русский народ от коммунистического ига, что такова наша почётная миссия. Не считай меня, Марта, героем! Мы освобождали жителей России от диктатора Сталина и его коммунистов. И при этом бомбили и обстреливали мирные города. Уничтожали мирных жителей! Хорош герой, который, чтобы освободить ребёнка, должен убить его отца. И мать в придачу! Не сразу я это понял, Марта. То, что первой на войне погибает правда!

Эх, сейчас бы маленький кусочек нашего домашнего хлеба. В Дрездене наша пекарня славилась. Люди хотели покупать только наш хлеб. Согласись, Марта, я был не плохой пекарь. Был хорошим пекарем, а стал негодным солдатом с перебитым позвоночником. Жалею только об одном, что мы не успели завести с тобой детей. Ведь ты так хотела дочь, даже имя ей выбрала – Грета. Помнишь? Спасибо тебе, Марта, за любовь, за верность твою.

Вот уже коптит, колеблется моя консервная свеча, – скоро погаснет. Тогда поем сардин и допью остатки шнапса из фляги. И буду медленно умирать... с мыслью о тебе. Прощай, Марта! Я люблю тебя. Твой несчастный пекарь Ганс».

– Такое вот... письмо, – закончил перевод Андрей, вытирая пот со лба. – Можно сказать... из ада.

Оператор в изнеможении опустил камеру.

– Это будет бомба, Андрюха! Поздравляю!

Спецкор посмотрел на него пустыми глазами и перевёл взгляд на покойника.

– Надо в магазин заехать! Где тут у вас магазин? – спросил он.

У оператора полезли на лоб глаза:

– Что ты у немца спрашиваешь! – поперхнулся он. – Спятил? Зачем тебе магазин?

– Зачем-зачем... Затем! Выпить хочу!

ИСПЫТАНИЕ НЕВЕСТЫ

В этот поздний вечер журналист Андрей не спешил домой. Сотрудники уже разошлись, редакция опустела. Спецкора одолевали мрачные мысли. С тех пор как он разошёлся с женой, раздумья о беспросветном одиночестве постоянно преследовали его и этот безысходный клубок не имел конца.

Андрей достал из шкафа початую бутылку портвейна, наполнил стакан и залпом осушил его. Пододвинул поближе горшочек со страдательно растущей перечной мятой и откусил нежный листочек. Это была его любимая закуска, которая никогда не приедалась и всегда была под рукой. Прелесть её состояла не только в неповторимом мятном аромате, сколько в том, что закуска постоянно воспроизводила самоё себя.

Продолжая источать невесёлые мысли, Андрей поворачивал горшок, критично осматривал потраченный кустик и пробурчал под нос: «Совсем заели бедное растение! Готовы под корень сожрать!»

Он полил мяту из графина и убрал в шкаф – на вырост.

«Надо бы Вадиму в гараж позвонить» – подумал спецкор. И набрал номер.

– Вадим, ты ещё в гараже? – спросил он. – Зайди ко мне в редакцию... Разговор есть.

Водитель не замедлил явиться пред светлые очи своего давнего друга. Бывший спецназовец не любил сентиментальных бесед, а потому был настроен скептически. Он знал слабости Андрея, и, снисходя к ним, терпел излияния «кореша», стараясь переводить подобные беседы в практическую плоскость. «Опять захандрил Андрюха, – думал Вадим, переступая порог редакции. – Опять утешения ищет».

– Чего звал—то? – обратился он к спецкору, присаживаясь на краешек стула.

– Андрей помолчал, почмокал губами и выдавил из себя:

– Хотел вот с тобой насчёт Петра, нашего оператора, посоветоваться. Совсем парень с катушек съехал. Чокнулся! Только и думает, что о своей Алёне. Вина хочешь?

– Я за рулём, – отмахнулся Вадим. – Петруха наш влюбился, а не чокнулся, должен тебя поправить.

– Не надо меня поправлять, я тебе не тусы! – разозлился Андрей. – Влюбился... чокнулся... Это одно и то же! Меня другое беспокоит. В своём умопомрачении он не способен сейчас на объективную оценку. Что он знает об этой девице?! Мужик совсем потерял голову!

– Жениться не напасть, да как бы не пропасть, – вдохнул Вадим. – Но это его выбор; я не собираюсь вмешиваться в личную жизнь Петрухи.

– Не собираешься? А я вот собираюсь, – нервно заходил по комнате Андрей. – Ему надо оглядеться... а не бросаться с головой в омут. Мы с тобой стреляные воробьи и то ведь попалились! Не разглядели вовремя своих девиц. Это сейчас у тебя нормальная вторая жена. А в первый раз? Вот скажи, стал бы ты жениться, если б заранее знал, кем окажется твоя милейшая невеста. А оказалась она, по твоим же словам, склочным и злобным существом.

Ещё и изменила тебе под конец! Думаю, ты не хочешь, чтобы с нашим другом произошло нечто подобное?

– А ты из—за чего развёлся? – ушёл от ответа Вадим.

– Я-то? Слепой был. И Петруха сейчас слепой. Я разве тебе про свою не рассказывал? – потёр лоб Андрей. – Понимаешь... Не вынес её фальши. Поначалу думал, ну, привирает девка... Думал, что это можно как—то подправить, как—то скорректировать. У жены в детстве было избыточно жёсткое воспитание, и она, часто вынуждена была врать, изворачиваться. Такая бывает у детей защитная реакция в ответ на воспитательную агрессию со стороны отца. Компенсация страха. Постепенно враньё вошло в её кровь и плоть. Вот так! Со временем я понял: сформировавшуюся личность переделать невозможно. Можно только смириться с её страстями, как с данностью. Но это оказалось выше моих сил.

Андрей остановился, недоумённо поднял плечи и постучал себе кулаком по лбу. Он никак не мог взять в толк, как его, стреляного воробья, так дёшево смогли провести на мякине.

– Да присядь ты, не маячь, – сверкнул глазами Вадим.

Спецкор послушно сел.

– Я её не виню, – продолжил он, смягчившись. – Свою бывшую жену. Кто из нас не врёт? Таких не встречал. Но некоторые врут постоянно. Постоянно! Для них это так же естественно, как вороне каркать или таракану шевелить усами. Быть собой – привилегия добрых людей. А злые вынуждены прикрываться, напяливать на себя маску добряков. Они вынуждены! Человек гнилой изнутри понимает, что быть злым не хорошо. Просто неприлично! И не выгодно. Особенно когда замужество в перспективе. Ну, а когда цель достигнута – маска сбрасывается. Такие вот оборотни!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.